

ЗОЛОТО ТЫСЯЧИ ПЛАНЕТ

АВТОР: ВАЛЕРИЙ РАСС

Валерий Расс

Золото забытых миров

«Автор»

2026

Расс В.

Золото забытых миров / В. Расс — «Автор», 2026

Добро пожаловать в миры, где человечество достигло абсолютного совершенства и едва не потеряло себя. В этом сборнике кинематографичной научной фантастики собраны восемь историй о тех, кто осмелился пойти против системы. Что произойдет, если нарушить стерильную тишину идеального мегаполиса звуком старой латунной трубы? Как далеко зайдет гигантский ржавый робот, чтобы спасти хрупкого человеческого младенца? Какую цену придется заплатить за право почувствовать ледяные капли настоящего дождя в мире идеального климата? От неоновых трущоб и временных петель в трансконтинентальных экспрессах до ледяных глубин океанов Европы и заброшенных космических маяков. Это истории о людях, андроидах и существах из звездной пыли, которые доказывают: в идеальном мире ошибка — это единственное доказательство жизни.

© Расс В., 2026

© Автор, 2026

Валерий Расс

Золото забытых миров

1

Золото тысячи миров

1

Часть 1

Люмена не была планетой. Это был исполинский космический цветок, сотканный из перламутрового стекла, неоновых нитей и гравитационных полей. Город-улей парил на орбите остывающего желтого карлика, переливаясь миллиардами огней. Здесь было всё, о чем только могла мечтать объединенная галактика: вечная молодость, синтетическая еда со вкусом чего угодно и идеальная, выверенная алгоритмами музыка, льющаяся прямо в сознание.

Здесь было всё. Кроме настоящей жизни.

Элиас шел сквозь нижние ярусы Центрального рынка, привычно кутаясь в свой яркий бирюзовый плащ. В свои шестьдесят он выглядел белой вороной среди идеальных, генно-модифицированных лиц прохожих. Его короткая седая борода, морщинки у глаз и круглые очки с зелеными стеклами выдавали в нем человека старой закалки. Человека, который помнил, как пахнет настоящая, а не синтезированная пыль.

Рынок гудел. Вокруг левитировали голографические вывески на десятках инопланетных языков, торговые дроиды предлагали светящиеся фрукты с Альфы Центавра, а синекотные торговцы нахваливали нейро-импланты последней модели. Но Элиаса не интересовало будущее. Он искал прошлое.

Он остановился у развала старьевщика — шестирукого существа, дремавшего в облаке лилового пара. На металлическом столе, среди сломанных плазменных резаков, севших батарей и кучи бесполезного пластика, лежало нечто совершенно иное.

Элиас затаил дыхание. Его пальцы, обтянутые потертой коричневой кожей перчаток, медленно потянулись к предмету.

Это была Труба. Старая, покрытая сетью мелких царапин и темными пятнами окислов, акустическая латунная труба. В этом стерильном мире неоновых светов ее тяжелый, медный блеск казался чем-то невозможным. Артефактом из эпохи, когда музыку создавали не нейросети, а человеческие легкие, губы и горячее сердце.

Элиас взял инструмент в руки. Металл был холодным, но старику показалось, что он откликнулся на его прикосновение. Он нежно провел большим пальцем по клапанам. Они тихо, мягко щелкнули. Настоящий звук. Физический. Живой.

— Сколько? — хрипло спросил Элиас, не отрывая взгляда от золотистого раструба.

2

Часть 2

Элиас заплатил, не торгуясь. Старьевщик радостно спрятал кредиты, так и не поняв, что отдал самое ценное сокровище в этом секторе галактики за бесценок.

Спрятав трубу под полами бирюзового плаща, Элиас поднялся на верхние ярусы Люмены. Туда, где свет был ослепительно белым, а воздух — пугающе стерильным. Он вышел на балкон, нависающий над Площадью Идеальной Гармонии.

Зрелище внизу потрясало воображение, но оставляло сердце пустым.

В центре гигантской прозрачной площади, парящей на фоне далеких звезд, выступала Мега-Дива. Она не была живым существом. Это была колоссальная голограмма, сотканная из холодного синего и белого света, пульсирующего цифрового кода и чистой математики. Она исполняла симфонию, написанную Главным Нейро-композитором города.

Музыка лилась отовсюду. Она была безупречна. Ни одной фальшивой ноты, ни одного сбитого такта, идеальный цифровой расчет частот, стимулирующий центры удовольствия в мозгу. Внизу, на площади, тысячи существ со всех концов галактики стояли в едином гипнотическом трансе, покачиваясь в такт холодному синтетическому ритму.

Элиас смотрел на это море замороженных, спящих наяву лиц. В этой музыке не было боли. Не было радости. Не было ошибки, которая и делает искусство человеческим.

Старик медленно распахнул плащ. Его руки в коричневых перчатках легли на холодную латунь. Он поднял трубу, и в ее потертом, изогнутом металле отразились ледяные огни голограммы. Золото против неона. Тепло против пустоты.

Элиас горько усмехнулся. В зеленых линзах его очков блеснуло отражение гигантской цифровой певицы.

— Идеально... — тихо, но твердо произнес Элиас. — Но абсолютно мертво.

Он закрыл глаза, отсекая от себя этот синтетический мир. Пальцы привычно легли на клапаны. Элиас набрал в грудь как можно больше воздуха — настоящего, живого воздуха — и поднес мундштук к губам.

Пришло время разбудить этот город.

3

Часть 3. Финал

Первая нота прозвучала как выстрел.

Она не была идеальной. В ней слышался легкий хрип старой латуни, тяжелое человеческое дыхание и легкая дрожь пальцев. Но в этой шероховатости была невероятная, пронзительная глубина. Это был тягучий, глубокий джазовый аккорд, который сорвался с балкона и полетел вниз, на площадь.

Звук трубы врезался в стерильную электронную симфонию и разорвал ее напополам.

То, что произошло дальше, нарушало все законы физики Люмены. Из раструба старой трубы вырвалась не просто звуковая волна — это был свет. Густой, теплый, янтарно-золотой свет, пульсирующий в такт дыханию Элиаса.

Волна живой музыки покатила по городу. Она ударялась о холодные прозрачные небоскребы, и стекло мгновенно вспыхивало теплым перламутром. Она касалась левитирующих машин, и их двигатели сбавляли гул, словно прислушиваясь.

Элиас играл. Он не видел ничего вокруг, его глаза были закрыты, а пальцы в потертых перчатках танцевали по клапанам, выплескивая в пустоту космоса всю накопившуюся тоску и любовь.

Золотая волна накрыла Площадь Идеальной Гармонии.

Колоссальная голограмма Мега-Дивы вдруг дрогнула. Теплый звук сбил ее цифровые алгоритмы. Идеальный синий свет пошел рябью, программный код начал рассыпаться прямо в воздухе. Но вместо системной ошибки произошло чудо: голограмма распалась на миллионы золотых искр, которые медленным, теплым снегом опустились на толпу.

Тысячи существ одновременно вышли из транса.

Маленькая инопланетная девочка с большими темными глазами протянула руку и поймала одну из искр. Искра превратилась в тихую, звенящую музыкальную ноту. Девочка искренне, звонко рассмеялась.

Этот смех стал частью мелодии. Лица прохожих, еще секунду назад напоминавшие восковые маски, оживали. Кто-то удивленно озирался, кто-то плакал, не понимая почему, кто-то просто улыбался, чувствуя, как по коже бегут давно забытые мурашки. Город просыпался.

Элиас взял последнюю, самую высокую и чистую ноту. Она повисла над притихшим мегаполисом, медленно растворяясь в мерцании звезд, и наконец стихла.

Старик медленно опустил трубу и открыл глаза.

Внизу больше не было покорной, безмолвной толпы. Там бурлила жизнь. Город-улей сиял новыми, живыми красками. Элиас посмотрел на свой старый инструмент. В поцарапанной, потемневшей латуни трубы отражалось теплое сияние тысяч огней и огромный, бескрайний космос, который больше не казался таким холодным.

2

Рассказ 2. Скупщик воспоминаний

Капля грязного неонового дождя медленно сползла по мутному стеклу клиники. За окном шумел Нижний Ярус — муравейник из бетона, ржавчины и голограмм, где люди продавали всё, чтобы выжить. Но здесь, в подвале старика Дока, торговали товаром куда более ценным, чем органы или оружие.

Здесь продавали прошлое.

Кай сидел в потертom стоматологическом кресле, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники. Над его головой гудел экстрактор — громоздкий аппарат, похожий на металлического паука.

— Ты уверен, парень? — проскрипел Док, протирая оптический имплант грязной тряпкой. — Это не просто фрагмент памяти. Это нейронный слепок высшего порядка. Эмоциональное ядро. Загрузишь его мне в колбу, и всё — в твоей голове останется только сухая статистика. Ты будешь знать, что это было, но никогда больше не почувствуешь как это было.

— Делай, — хрипло ответил Кай.

Он смотрел на пластиковую карточку, лежащую на металлическом столе. Билет. Золотой пропуск на Орбитальную Станцию «Эдем», где нет кислотных дождей, нет голода и синтетической еды. Билет стоил целое состояние. Целую жизнь.

Док пожал плечами и приложил холодные контакты экстрактора к вискам Кая.

— Начинаю калибровку. Вспомни её. Вспомни момент максимально ярко.

Кай закрыл глаза. Ему не нужно было напрягаться. Это воспоминание жило под его кожей, пульсировало в висках каждый день после того, как Лины не стало.

Их последний вечер. Крыша заброшенной высотки. Она смеется, запрокинув голову, и ветер треплет её волосы, пахнущие ванилью и озоном. Она смотрит на него так, словно он — центр вселенной. В груди Кая разлилось невыносимое, обжигающее тепло любви и щемящей боли потери.

— Фиксирую сигнал, — пробормотал Док. — Начинаю извлечение.

Машина тонко завывала. Кай почувствовал легкий укол в затылке, а затем... тепло начало уходить. Как будто кто-то открыл кран, и из груди выливалась горячая вода, оставляя после себя сквозняк. Смех Лины в голове становился тише. Запах ванили испарился. Её взгляд потерял магию, превратившись просто в картинку, сохраненную на жестком диске.

Щелчок. Машина остановилась.

Кай открыл глаза. В груди было абсолютно пусто. Стерильно.

Док пинцетом достал из аппарата крошечную стеклянную ампулу. Внутри неё, переливаясь золотым и теплым янтарным светом, клубилась светящаяся субстанция. Это была его любовь. Его горе. Его душа, закупоренная в стекло.

— Идеальная чистота, — восхищенно выдохнул старик. — Богачи с Верхних Ярусов платят бешеные деньги за такие неподдельные эмоции. Они там наверху разучились чувствовать. Покупают чужие страдания и радости, как дорогой алкоголь. Держи свой билет, парень. Ты теперь свободен.

Кай взял золотую карточку. Он посмотрел на неё, потом на светящуюся ампулу. Он ожидал почувствовать облегчение, но не почувствовал ничего. Вообще ничего.

Выйдя на улицу, Кай пошел сквозь толпу под проливным дождем. Неоновые вывески отражались в лужах. До отправления шаттла на «Эдем» оставалось три часа.

Он достал из внутреннего кармана плаща старую бумажную фотографию. На ней была Лина. Та самая улыбка. Кай смотрел на фото и пытался заплакать. Он знал, что это его жена. Знал, что она погибла. Логика работала безупречно. Но сердце молчало. Лицо на фото казалось ему чужим, словно он смотрел на актрису из дешевого кино.

В этот момент его накрыл первобытный, ледяной ужас.

Он продал не воспоминание. Он продал себя. Без этой боли он больше не был человеком. Он стал пустой оболочкой, куском мяса, который летит на идеальную станцию, чтобы прожить там идеальную, пустую жизнь.

Кай развернулся и побежал. Он расталкивал прохожих, сбивал с ног торговцев синтетической лапшой. Ворвавшись обратно в клинику, он вышиб хлипкую дверь плечом.

Док подскочил, пряча ампулу в сейф.

— Эй! Ты что творишь?! Сделка закрыта!

— Кому? — Кай схватил старика за грудки, прижав к стене. — Кому ты её продал? Кто заказчик?!

— Ты спятил! Клиентская тайна! У тебя есть билет, лети в свой Эдем!

Кай достал из кармана магнитный пистолет и приставил его к механическому глазу Дока.

— Имя. Сейчас. Или я выжгу твои схемы.

Док сглотнул.

— Лорд Вейн. Шпиль Корпорации, сотый этаж. Но ты туда не доберешься! Он аристократ, у него охрана! Он уже ждет курьера!

Кай бросил старика и выскочил на улицу. До прибытия курьера оставались минуты.

Чтобы попасть на сотый этаж Шпиля, не имея социального рейтинга, нужно было быть либо призраком, либо безумцем. Кай выбрал второе. Он проник в техническую шахту вентиляции, отключив системы безопасности магнитными импульсами. Его руки были стерты в кровь, когда он выломал решетку и оказался в роскошном пентхаусе.

Здесь не было дождя. Здесь пахло сандаловым деревом и дорогим синтетическим вином.

Посреди огромного зала с панорамным видом на весь мегаполис сидел Лорд Вейн — мужчина с неестественно бледным, гладким лицом. Он полулежал в кресле, а к его затылку тянулись провода от инъектора. В инъекторе золотым светом пульсировала ампула Кая.

Вейн плакал. По его щекам текли настоящие, искренние слезы. Он улыбался сквозь рыдания, проживая чужую любовь, упиваясь чужой потерей, как деликатесом.

— Какая... невероятная чистота, — прошептал аристократ, не открывая глаз. — Я не чувствовал такого лет тридцать.

Кай подошел вплотную и выдернул провода из аппарата.

Вейн распахнул глаза, задыхаясь, словно его вытащили из-под воды. Он уставился на Кая, его лицо исказилось от гнева. Охрана уже бежала по коридору — Кай слышал топот тяжелых ботинок.

— Ты кто такой?! Как ты смеешь прерывать сеанс?! — завизжал аристократ. — Это моя собственность! Я купил её!

— Это моя жена, — тихо сказал Кай.

Он бросил на стеклянный стол золотую карточку — билет на «Эдем».

— Билет стоит в три раза дороже этой ампулы. Забирай. Отдай мне память.

Вейн посмотрел на билет. Жадность в его глазах мгновенно переборола гнев. Билет на орбиту без очереди был мечтой даже для элиты.

Аристократ усмехнулся, брезгливо вытащил ампулу из инъектора и бросил её Каю.

— Идиот. Ты останешься гнить в этой помойке ради фантомной боли.

Кай поймал ампулу. Охрана ворвалась в зал, наставив на него оружие, но Вейн поднял руку, останавливая их.

— Пусть уходит. Сделка пересмотрена.

...Спустя час Кай снова стоял под кислотным дождем на самом дне Нижнего Яруса. Над ним ревели турбины — шаттл на «Эдем» уходил в небо, оставляя за собой огненный след. Кай никогда на него не попадет. Он навсегда останется в этом грязном, жестоком мире.

Он достал из кармана экстрактор, который забрал у Дока, вставил в него золотую ампулу и прижал контакты к виску. Нажал кнопку.

Резкий удар тока. Вспышка света под веками.

И вдруг — запах ванили. Озон. Её смех, звонкий и живой, эхом прокатившийся по всему телу. Грудь сдавило от невыносимой, прекрасной, разрывающей сердце боли.

Слезы смешались с дождем. Кай упал на колени прямо в грязную лужу, сжимая в руке старую фотографию. Он был нищим. Он был заперт в бетонном аду.

Но он снова был живым.

3

Рассказ 3. Стальной садовник

Буря на Эпсилоне-9 никогда не утихала. Мелкий, как битое стекло, красный песок сек металлическую обшивку Т-7-Омега уже пять сотен лет.

Т-7 был терраформером — колоссальным шагающим механизмом высотой с двадцатиэтажный дом. Когда-то его корпус сиял хромом и белой эмалью с логотипами давно исчезнувшей Корпорации. Теперь же он был покрыт рыжей ржавчиной, шрамами от метеоритов и черной копотью.

Скрипя массивными сервоприводами, гигант опустился на одно колено. Земля дрогнула. Из его правой «руки» — сложной системы буров и манипуляторов — выдвинулась капсула с генетически модифицированным семенем эвкалипта. Лазер выжег в твердом грунте лунку, манипулятор бережно опустил туда семя, а затем залил его питательным гелем из истощающихся резервуаров.

Директива 1: Озеленение. Попытка: 14 592 001. Статус: В процессе.

Робот поднялся и тяжело зашагал сквозь пыльную бурю к следующему квадрату. Он знал, что росток погибнет через трое суток, сожженный радиацией и токсичной атмосферой. Так было с предыдущими четырнадцатью миллионами попыток. Корабли колонизаторов, которые должны были прилететь следом за ним, так и не появились. Но у Т-7 не было эмоций. У него была только Директива. Он будет сажать деревья, пока не остановится его ядерный реактор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.